...му согласилось уменьшить свои морскія вооруженія, что Соед. Штаты обязались участвовать совмѣстно съ ней въ совѣщаніи на случай кризиса. Совѣщаніе, однако, войны не предупредило; увѣренная въ авторитетѣ Соед. Штатовъ Франція ослабила себя по сравненію со своимъ врагомъ. Моральный долгъ Соед. Штатовъ оказать теперь Франціи дѣйствительную помощь. Не желая постоянно вводить въ заблужденіе ни французское общественное мнѣніе, которое, истолковавъ «совѣщательный» пактъ въ указанномъ выше смыслѣ, стало бы ждать дѣйствительной помощи и испытало бы жестокое разочарованіе при отказѣ Соед Штатовъ, ни американское, если бы участіе въ пактѣ могло бы дѣйствительно вовлечь С. Штаты 15.000 тоннъ, къ «гуманизаціи» подводной войны путемъ установленія для подводныхъ лодокъ обязательствъ соблюдать при нападеніи на коммерческія суда тѣ же правила, какія установлены для надводныхъ судовъ и къ опредѣленію метода ограниченій морскихъ вооруженій. Это не много, но это все же кое-что. Дальнѣйшая работа будетъ поручена подготовительной комиссіи по разоруженію, которая будетъ созвана въ началѣ іюня. Большаго, при плохой подготовкѣ конференціи и при существующихъ въ настоящій моментъ взаимоотношеніяхъ между государствами и ждать было трудно.

Л. Немановъ.

Лондонъ, 12 марта.

...быта сводится къ слѣдующему:

Во всѣхъ квартирахъ дома ликвидируются кухни, столовыя тамъ, гдѣ онѣ сохранились, т. е. вѣрнѣе эти комнаты превращаются въ обычныя жилыя комнаты. Въ...

...дія намѣчена слѣдующая: обобществленіе и уравнительное разверстываніе мебели, платья и бѣлья. Многіе комитеты уже приступили къ описи этихъ вещей въ квартирахъ».

...гери не подготовлены. Во многихъ мѣстахъ нѣтъ ни палатокъ, ни избъ, а лишь наспѣхъ сколоченные бараки. Большинство работающихъ не имѣетъ теплаго платья. Надсмотрщики ежедневно, даже въ 30 градусные морозы, выгоняютъ на работы. Медицинская помощь отсутствуетъ. Большинство никогда раньше не работало на лѣсозаготовкахъ, многіе не работали физически вообще.

Во время чистки ВСНХ СССР обнаружено, что начальникъ Стройкома Барскій, коммунистъ, всячески покровительствовалъ частнику Васнлу и оказывалъ ему всякаго рода льготы. Барскому объявленъ строгій выговоръ. Его помощникъ Соловейчикъ вычищенъ по первой категоріи, какъ «лжеспецъ, чуждый пролетаріату работникъ, извращавшій директивы правительства и «засорявшій совапаратъ». Вычищены также сотрудники ВСНХ С. Глѣбовъ, профессоръ Лахтинъ, Нѣсельникъ, Геронимусъ и другіе. («Извѣстія», 11 марта).

Изъ жалобной книги

Пишутъ посѣтители одной изъ многочисленныхъ петербургскихъ столовыхъ нарпита:

«...Получилъ хлѣбъ и съѣлъ первое блюдо, я узналъ, что второго нѣтъ. Потребовалъ обратно деньги. Не выдаютъ. Зачѣмъ, говорятъ, съѣли хлѣбъ...»

«...Хотѣлъ получить обратно деньги, не выдаютъ безъ хлѣба. Вернулся къ столу за хлѣбомъ, а уборщица его уже убрала. Остался я безъ денегъ и безъ обѣда. Завѣдующій мнѣ сказалъ: — Не горюйте, товарищъ, придете завтра и дообѣдаете».

«...Сегодня въ телятинѣ обнаружилъ швейную иглу».

«..Хотѣлъ вымыть руки, — не было ни мыла, ни полотенца. Ушелъ съ грязными руками».

(«Красная Газета»).

Реформа медицинской школы

Разрабатывается планъ реорганизаціи всего медицинскаго образованія. Создаются два основныхъ факультета: учебно - профилактическій и санитарно - профилактическій. Въ Петроградѣ кромѣ того будетъ созданъ спеціальный факультетъ охраны материнства и дѣтства. Объемъ теоретическихъ предметовъ въ новыхъ учебныхъ планахъ сохраняется въ прежнихъ размѣрахъ. Лекціи, какъ система обученія, отмѣняются. Производственная практика осуществляется круглый годъ. Вводятся новые курсы: исторія медицины, включающая основы совѣтскаго здравоохраненія, курсъ физкультуры, психологіи. Создается единая терапевтическая и единая хирургическая клиника. Оперативная хирургія ликвидируется. Кафедра урологіи упраздняется. Упраздняется также кафедра инфекціонныхъ болѣзней и туберкулеза и сливается съ клиникой внутреннихъ болѣзней.

Производственную практику 3 и 4 года студенты проводятъ на положеніи помощниковъ врача. («Кр. Газ.»).

ВСѢ ПОДПИСЧИКИ И ЧИТАТЕЛИ

„Послѣднихъ Новостей"

могутъ пріобрѣсти ВЫШЕДШУЮ 15-го ЯНВАРЯ 41-ю книгу журнала

„СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"

по 10 франковъ (вмѣсто 25 фр.) за каждую ВО ФРАНЦІИ и по 14 франк. (вмѣсто 1 долл.).—ЗАГРАНИЦЕЙ. Для этого подписчики представляютъ въ контору "Послѣднихъ Новостей", одновременно съ указанными суммами, подписную квитанцію или бандероль, подъ которой они получаютъ газету, а лица, покупающія газету въ розницу — ПЯТЬ ТАКИХЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ, вырѣзанныхъ изъ разныхъ номеровъ ея. При выполненіи этихъ условій, всѣ подписчики и читатели "Послѣднихъ Новостей" могутъ пріобрѣтать по тѣмъ же льготнымъ цѣнамъ и предыдущія шесть книгъ «Современныхъ Записокъ" (ном. 35, 36, 37, 38, 39 и 40-й). Деньги за журналъ можно посылать по почтѣ или вносить въ контору газеты:

51 RUE DE TURBIGO, PARIS (2)

Докладъ Ф. И. Дана

Сегодня (16, рю де ла Сорбоннъ) въ 8 ч. 30 м. вечера состоится докладъ редактора «Соціалистическаго Вѣстника» Ф. И. Дана на тему: «Судороги диктатуры». Послѣ доклада пренія.

Наводненіе на югѣ Франціи

Вода въ Пиренеяхъ уже начала спадать, но положеніе въ бассейнѣ рѣкъ Гаронны и Тарна продолжаетъ оставаться серьезнымъ. Въ Гароннѣ вода прибываетъ, у Ажена — по 6 сантиметровъ въ часъ. Въ Бордо попрежнему царитъ тревога.

Національная подписка въ пользу пострадавшихъ превысила вчера 13 милліоновъ франковъ.

Вѣсти отовсюду

— Д-ръ Шахтъ получилъ предложеніе занять постъ финансоваго совѣтника при турецкомъ государственномъ банкѣ.

— Во время обсужденія въ Рейхстагѣ новаго закона о защитѣ республики, произошли бурныя сцены. Нѣсколько депутатовъ было удалено изъ зала.

— Оффиціальное открытіе международнаго платежнаго банка назначено на 1-ое мая.

— Студенты - антисемиты медицинскаго факультета варшавскаго университета совершили нападеніе на студентовъ - евреевъ. Ранено 8 человѣкъ.

— Въ юго - западныхъ районахъ С. Штатовъ появилась странная эпидемія. Болѣзнь выражается въ параличѣ ногъ. Врачи склонны приписывать болѣзнь вліянію недоброкачественныхъ спиртныхъ напитковъ.

— Коммунисты организовали 13 марта, въ Нью-Іоркѣ, новую демонстрацію противъ безработицы. Манифестація позорно провалилась.

— Конференція англійскихъ копевладѣльцевъ приняла резолюцію, энергично осуждающую угольный билль рабочаго кабинета, который нанесетъ большой ущербъ частной промышленности.

Святыя горы

1.

Путь къ Донцу, къ древнему монастырю на Святыхъ Горахъ, пролегаетъ на юго-востокъ, на Азовскія степи.

Раннимъ утромъ великой субботы я былъ уже подъ Славянскомъ. Но до Святыхъ Горъ оставалось еще верстъ двадцать, и нужно было итти поспѣшно. Этотъ день мнѣ хотѣлось провести въ обители.

Предо мной сѣрѣло пустынное поле. Одинъ сторожевой курганъ стоялъ вдалекѣ и, казалось, зорко глядѣлъ на равнины. Съ утра въ степи было по весеннему холодно и вѣтрено; вѣтеръ просушивалъ колеи грязной дороги и шурпалъ прошлогоднимъ бурьяномъ. Но за мной, на западѣ, картинно рисовалась на горизонтѣ гряда мѣловыхъ горъ. Темнѣя пятнами лѣсовъ, какъ старинное, тусклое серебро чернью, она тонула въ утреннемъ туманѣ. Вѣтеръ дулъ мнѣ навстрѣчу, холодилъ лицо, руками, степь убѣгала, завладѣвала душой, наполняла ее чувствомъ радости, свѣжести.

За курганомъ блеснула круглая ложбина, залитая весенней водой. Я свернулъ къ ней на отдыхъ. Есть что-то чистое и веселое въ этихъ полевыхъ апрѣльскихъ болотцахъ; надъ ними вьются звонкоголосые чибисы, сѣренькія трясогузки щеголевато и легко перебѣгаютъ по ихъ бережкамъ и оставляютъ на илѣ свои тонкіе, звѣздообразные слѣды, а въ мелкой, прозрачной водѣ ихъ отражается ясная лазурь и бѣлыя облака весенняго неба. Курганъ былъ дикій, еще ни разу не тронутый плугомъ. Онъ расплывался на два холма и, словно поблекшей скатертью изъ мутно-зеленаго бархата, былъ покрытъ прошлогодней травой. Сѣдой ковыль тихо покачивался на его склонахъ, — жалкіе остатки ковыля. Время его, подумалъ я, навсегда проходитъ; въ вѣковомъ забытьѣ онъ только смутно вспоминаетъ теперь далекое былое, прежнія степи и прежнихъ людей, души которыхъ были роднѣе и ближе ему, лучше насъ умѣли понимать его шепотъ, полный отъ вѣка задумчивости пустыни, такъ много говорящей безъ словъ о ничтожествѣ земного существованія.

Отдыхая, я долго лежалъ на курганѣ. Съ полей уже тянуло тепломъ. Облака свѣтлѣли, таяли. Жаворонки, невидимые въ воздухѣ, напоенномъ парами и свѣтомъ, заливались надъ степью безотчетно-радостными трелями. Вѣтеръ сталъ ласковый, мягкій. Солнце согрѣвало меня, и я закрывалъ глаза, чувствуя себя безконечно счастливымъ. Въ южныхъ степяхъ каждый курганъ кажется молчаливымъ памятникомъ какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донцѣ, на Маломъ Танаисѣ, воспѣтомъ «Словомъ», — это была моя давнишняя мечта. Донецъ видѣлъ Игоря, — можетъ быть, видѣлъ Игоря и Святогорскій монастырь. Сколько разъ разрушался онъ до основанія и пустѣли его разбитыя стѣны! Сколько претерпѣлъ онъ, стоя на татарскихъ путяхъ, въ дикихъ степныхъ равнинахъ, когда иноки его были еще воинами, когда они переживали долгія осады отъ полчищъ дикихъ ордъ и воровскихъ людей!

Скрипъ телѣги, на которой сидѣлъ старикъ, свѣсивъ съ грядки ноги въ лопотоновыхъ сапогахъ, и сопѣніе воловъ, которые, покачиваясь и вытягивая шеи, придавленныя тяжелымъ ярмомъ, медленно тащились по дорогѣ, разогнали мои думы. Я зашагалъ еще поспѣшнѣе.

Полоса лѣса сѣровато чернѣла вдали. Я не сводилъ съ нея глазъ, думая, что за лѣсомъ-то и откроется долина Донца и Горы. Лѣсъ оказался очень старымъ, заглохшимъ. Меня поразила его безжизненная тишина, его корявыя засохшія дебри. Замедляя шаги, я съ трудомъ пробирался по хворосту и бурелому, который гнилъ въ грязи глубокихъ рытвинъ дороги. Ни одной птицы не слышно было въ чащахъ. Иногда дорогу затопляло цѣлое болото весенней воды. Сухія деревья сквозили кругомъ; ихъ кривые сучья бросали слабыя, блѣдныя тѣни.

Скоро, однако, въ пролетѣ лѣсной дороги снова проглянула просторная, вольная даль. Сухой степной вѣтеръ все усиливался, разгоняя въ яркомъ весеннемъ небѣ бѣлыя облака, дѣлая даль безконечной. Монастыря же все не было.

Хохолъ, къ которому я подходилъ съ разспросами о дорогѣ, рослый мужикъ съ маленькой головой, одѣтый въ короткую, словно изъ осиновой коры сшитую свитку, не спѣша шелъ за плугомъ. Плугъ тащили четыре вола, а воловъ вела дѣвочка.

— Тату! — сказала она мужику, обращая его вниманіе на меня.

Онъ остановился.

— Эта дорога на Святыя Горы? — спросилъ я.

— А куды вамъ треба?

— Въ монастырь.

— Якій монастырь?

— Да вы развѣ никогда не были на Святыхъ Горахъ?

— Въ Экономіи?

— Да не въ экономіи, а въ самомъ монастырѣ, въ церкви.

— У церкві? Та у насъ своя церква на селі.

— А въ монастырѣ?

— Та бувъ, що хлопцемъ. Тоді чума на скотъ була, такъ казали, що тамъ пробувавъ такій монахъ, що знавъ замовляти. Отъ і ходили усі, у кого скотина боліла; звісно, молебствіе служили і въ село привозили того инока. Ну, походивъ вінъ по дворахъ, покропивъ водою, а про те нічого не помоглось.

— Такъ это дорога туда?

— Эге-жъ...

И хохолъ, даже не взглянувъ на меня, снова спокойно пошелъ за плугомъ.

Я уже чувствовалъ усталость. Ноги ныли въ пыльныхъ, горячихъ сапогахъ. И я принялся считать шаги, и занятіе это такъ увлекло меня, что я очнулся только тогда, когда дорога круто завернула влѣво и вдругъ ослѣпила рѣзкой бѣлизной мѣла. Вдалекѣ, пальмо, на самомъ горизонтѣ, надъ чащей лѣса, сверкалъ золотой звѣздой куполъ церкви. Но я едва взглянулъ туда. Передо мной, въ огромной, глубокой долинѣ, открылся Донецъ.

Долго простоялъ я неподвижно, глядя на мутную синеву этихъ привольныхъ луговъ. Всѣ они были затоплены водой, — Донецъ былъ въ разливѣ. Стальныя полосы рѣки сверкали въ чащахъ коричневыхъ камышей и залитыхъ половодьемъ прибрежныхъ лѣсовъ, а къ югу разливались еще шире, совсѣмъ уже смутныя у подножія далекихъ мѣловыхъ горъ. И горы эти бѣлѣли такъ смутно-смутно... Потомъ я обгонялъ идущій на богомолье народъ — женщинъ, подростковъ, дряхлыхъ калѣкъ съ выцвѣтшими отъ времени и степныхъ вѣтровъ глазами, и все думалъ о старинѣ, о той чудной власти, которая дана прошлому... Откуда она и что она значитъ?

Между тѣмъ монастырь все еще не показывался. Небо потускнѣло, вѣтеръ началъ пылить по дорогѣ, и въ степи стало скучно. Донецъ скрылся за холмами. Я попросилъ проѣзжаго хлопца подвезти меня, и онъ посадилъ меня въ свою телѣжку на двухъ колесахъ. Мы разговорились, и я не замѣтилъ, какъ мы въѣхали въ лѣсъ и стали спускаться подъ гору.

Все круче, отвѣснѣе становилась горная дорога, каменистая, узкая, живописная. Мы спускались все ниже и ниже, а столѣтніе красноватые стволы мачтовыхъ соеснъ, гордо выдѣляясь среди разнообразной лѣсной заросли, мощно вцѣпившись корнями въ каменистые берега дороги, плавно подымались все выше и выше, возносились зелеными кронами къ голубому небу. Небо надъ нами казалось еще глубже и невиннѣе, и чистая, какъ это небо, радость переполнила душу. А внизу, сквозь зеленую чащу лѣса, между соснами, вдругъ проглянула глубокая и, какъ показалось, тѣсная долина, золотые кресты, купола и бѣлыя стѣны домовъ у подошвы лѣсистой горы — все скученное, картинно - сокращенное отдаленіемъ, — и свѣтлая полоса узкаго Донца, и густая синева воздуха надъ сплошными луговыми лѣсами за нимъ...

II.

Донецъ подъ Святыми Горами быстръ и узокъ. Правый берегъ его возвышается почти отвѣсной стѣной и тоже щетинится лѣсной чащей. Подъ нимъ-то и стоитъ бѣлокаменная обитель съ величавымъ, грубо раскрашеннымъ соборомъ посреди двора. Выше, на полугорѣ, бѣлѣя въ зелени лѣса, висятъ два мѣловыхъ конуса, два сѣрыхъ утеса, за которыми ютится старинная церковка. А еще выше, уже на самомъ горномъ перевалѣ, рисуется въ небѣ другая.

Съ юга надвигалась туча, но весенній вечеръ былъ еще ясенъ и тепелъ. Солнце медленно уходило за горы; широкая тѣнь стлалась по Донцу отъ нихъ. По каменному двору обители, мимо собора, я пошелъ къ крытымъ галлереямъ, что ведутъ въ гору. Въ этотъ часъ пусто было въ ихъ безконечныхъ переходахъ. И чѣмъ выше подымался я, тѣмъ все болѣе вѣяло на меня суровой монастырской жизнью — отъ этихъ картинокъ, изображающихъ скиты и кельи отшельниковъ съ гробами вмѣсто ночныхъ ложъ, отъ этихъ печатныхъ поученій, развѣшанныхъ на стѣнахъ, даже отъ каждой стертой и ветхой ступеньки. Въ полусумракѣ этихъ переходовъ чудились тѣни отошедшихъ отъ міра сего иноковъ, строгихъ, молчаливыхъ схимниковъ...

Меня тянуло туда, къ мѣловымъ сѣрымъ конусамъ, къ мѣсту той пещеры, гдѣ, въ трудахъ и молитвѣ, простой и возвышенный духомъ, проводилъ свои дни первый человѣкъ этихъ горъ, та великая душа, которая полюбила горный хребетъ надъ Малымъ Танаисомъ. Дико и глухо было тогда въ первобытныхъ лѣсахъ, куда пришелъ святой человѣкъ. Лѣсъ безконечно спѣлъ подъ нимъ. Лѣсъ глушилъ берега, и только рѣка, одинокая и свободная, плескала и плескала своими холодными волнами подъ его навѣсомъ. И какая тишина царила кругомъ! Рѣзкій крикъ птицы, трескъ сучьевъ подъ ногами дикой козы, хриплый хохотъ кукушки и сумеречное уханье филина — все гулко отдавалось въ лѣсахъ. Ночью величавый мракъ простирался надъ ними. По шороху и плеску воды угадывалъ инокъ, что вплавь переходятъ Донецъ люди. Молчаливо, какъ рать дьяволовъ, перебирались они черезъ рѣку, шурпали по кустамъ и исчезали во мракѣ. Жутко тогда было въ горной норѣ одинокому человѣку, но до разсвѣта мерцала его свѣчечка и до разсвѣта звучали его молитвы. А утромъ, изнуренный ночными ужасами и бдѣніемъ, но съ свѣтлымъ лицомъ, выходилъ онъ на Божій день, на дневную работу, и опять кротко и тихо было въ его сердцѣ...

Глубоко внизу подо мною все тонуло въ теплыхъ сумеркахъ, мелькали огни. Тамъ уже начиналась сдержанно-радостная тревога приготовленій къ свѣтлой заутренѣ. А здѣсь, за мѣловыми утесами, было тихо и еще брезжилъ свѣтъ зари. Птицы, живущія въ трещинахъ скалъ и подъ карнизами церковки, рѣяли вокругъ, визжа, какъ старый флюгеръ, и всплывали снизу и неслышно падали внизъ, въ сумракъ, на своихъ мягкихъ крыльяхъ. Туча съ юга заволокла все небо, вѣя теплотой дождя, весенней душистой грозы, и уже содрагалась отъ вспышекъ молній. Сосны горнаго обрыва слились въ темную опушку и чернѣли, какъ горбъ спящаго звѣря...

Я успѣлъ сходить и на вершину горы, въ верхнюю церковку, нарушилъ шагами ея гробовую тишину. Монахъ, какъ привидѣніе, стоялъ за ящикомъ съ свѣчами. Два-три огонька чуть потрескивали... Поставилъ и я свою свѣчу за того, кто, слабый и преклонный лѣтами, падалъ ницъ въ этомъ маленькомъ храмѣ въ тѣ давнія грозныя ночи, когда костры осадъ пылали подъ стѣнами обители...

III.

Утро было праздничное, жаркое; радостно, наперебой трезвонили надъ Донцомъ, надъ зелеными горами колокола, уносились туда, гдѣ въ ясномъ воздухѣ стремилась къ небу бѣлая церковка на горномъ перевалѣ. Говоръ гуломъ стоялъ надъ рѣкой, а на баркасѣ прибывало по ней въ монастырь все больше и больше народу, все гуще пестрѣли праздничные малороссійскіе наряды. Я нанялъ лодку, и молоденькая хохлушка легко и быстро погнала ее противъ теченія по прозрачной водѣ Донца, въ тѣни береговой зелени. И дѣвичье личико, и солнце, и тѣни, и быстрая рѣчка — все было такъ прелестно въ это милое утро...

Я побывалъ въ скиту — тамъ было тихо, и блѣдная зелень березокъ слабо шепталась, какъ на кладбищѣ, — и сталъ взбираться въ гору.

Взбираться было трудно. Нога глубоко тонула во мху, буреломѣ и мягкой, прѣлой листвѣ, гадюки то и дѣло быстро и упруго выскальзывали изъ-подъ ногъ. Зной, полный тяжелаго смолистаго аромата, неподвижно стоялъ подъ навѣсами сосенъ. Зато какая даль открылась подо мною, какъ хороша была съ этой высоты долина, темный бархатъ ея лѣсовъ, какъ сверкали разливы Донца въ солнечномъ блескѣ, какою горячею жизнью юга дышало все кругомъ! То-то, должно-быть, дико - радостно билось сердце какого-нибудь воина полковъ Игоревыхъ, когда, выскочивъ на храпящемъ конѣ на эту высь, повисалъ онъ надъ обрывомъ, среди могучей чащи сосенъ, убѣгающихъ внизъ!

А въ сумеркахъ я уже опять шагалъ въ степи. Вѣтеръ ласково вѣялъ мнѣ въ лицо съ молчаливыхъ кургановъ. И отдыхая на нихъ, одинъ - одинешенекъ среди ровныхъ, безконечныхъ полей, я опять думалъ о старинѣ, о людяхъ, почивающихъ въ степныхъ могилахъ подъ смутный шелестъ сѣдого ковыля...

Ив. Бунинъ.

1894 г.